

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

21

№60
(1938)7
апреля
2006

РОМАН И ГАЗЕТА

ГЕННАДИЙ НОВИЦОВ

Глава пятьдесят шестая

Могу и не могу

Московский водопроводчик

В 59-м году я писал свою первую повесть и возлагал большие надежды на недалекое будущее, но есть хотелось уже в настоящем. «В рассуждении чего бы покусать» (выражение Маяковского) нашел штатную работу в газете «Московский водопроводчик» треста Мосводоканал. Вскоре Мосводоканал объединят с Москанализацией, и, недолго думая, переименуют газету в «Трудовую вахту». Оклад мне положили низкий для служащего – 880 рублей. На эти деньги, как тогда говорили, «жить было нельзя». На те деньги, что я получал до того, жить было нельзя тем более. Но я на них как-то жил. Совмещать же работу в газете с учебой было совсем невозможно, я попросил академический отпуск и, получив отказ от ректора, сам себя отпустил.

Ответственным редактором «Водопроводчика» был Альберт Львович Кочуровский, пивший, как сапожник, кем он и был. В буквальном смысле: редакторской зарплаты на водку ему не хватало, но у него был второй источник дохода – он шил модельную обувь, и говорили, что неплохо. С утра записался у себя в кабинете, выпивал первый стакан и принимался за работу. А газету вел и тянул весь воз ответственный секретарь Всеволод Абрамович Лифшиц. Ко мне Лифшиц благоволил: охотно читал мои стихи и всегда готов был утверждать их идейную непогрешимость. Например, строчки «Но не могу все то, что я могу, сменить на то, чего я не могу», толковал так:

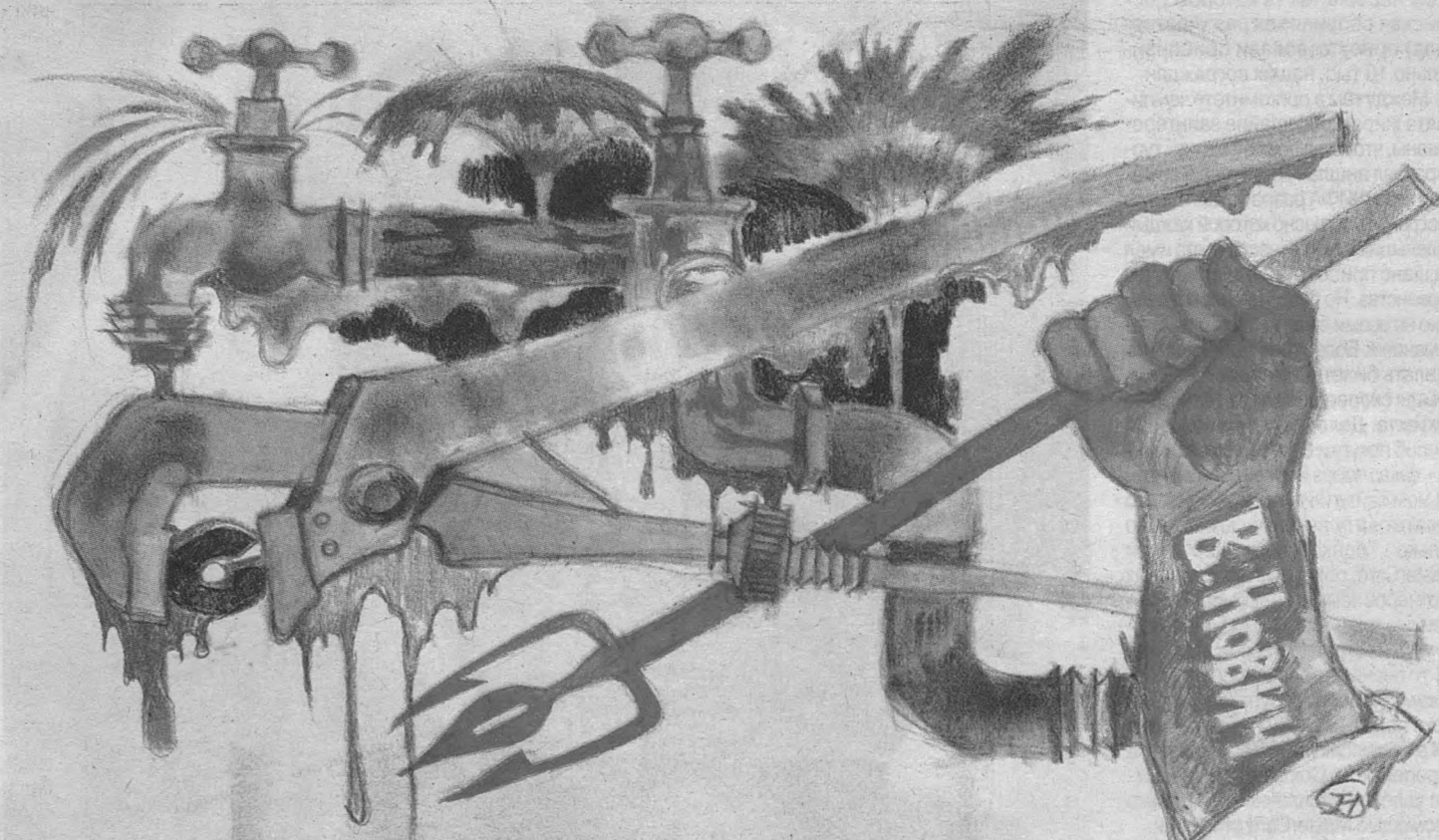
– Это очень хорошие, правильные советские стихи. Вы художественно говорите, что не можете сменить свои коммунистические идеалы на какие-то чуждые вам воззрения. Правильно?

Я имел другое мнение, но не спорил.

Всеволод Абрамович считал себя старым газетным волком и стилистом. Он мои тексты особо не трогал, но если попадалось, например, слово «солдаты», Лифшиц исправлял его на «воины», «нефть» на «черное золото», «хлопок» на «белое золото», а водопроводные трубы, писать о которых мне, разумеется, тоже приходилось, называл «водными артериями».

Я в газете сначала писал заметки на любые темы, а потом нашел себя в фельетонах о протекающих кранах, прорвавшихся трубах, бракованных фильтрах, бюрократизме, бумажной волоките и тех, кто за всем этим стоит. Подписывался я обычно псевдонимом В. Нович, но иногда брал фамилии своих друзей и чаще всего Олега Чухонцева. Герои фельетонов обижались и писали опровержения, доказывая, что товарищ Чухонцев не заметил, не учел, исказил, преувеличил. Эти отзывы приходили ко мне, а я переправлял их Олегу с предупреждением на официальном редакционном бланке, что если товарищ Чухонцев и дальше будет не замечать, не учитывать, искажать и преувеличивать, редакция придется от его услуг отказаться.

На работу меня приняли с полугодовым испытательным сроком, но к концу этого срока я был уволен. Подоплеку увольнения мне объяснил Лифшиц. Оказывается, управляющий трестом просил Кочуровского устроить на работу племянни-

В газете «Водопроводчик» я сначала писал заметки на любые темы, а потом нашел себя в фельетонах о протекающих кранах, прорвавшихся трубах, бракованных фильтрах и о тех, кто за всем этим стоит. Подписывался я обычно псевдонимом В. Нович, но иногда брал фамилии своих друзей.

ка, а свободного места в газете не оказалось, поэтому редактор-сапожник освободил место от меня. Лифшиц моим увольнением был возмущен и грозился сам подать заявление. Кочуровский плакал, просил его этого не делать, потому что другого такого Лифшица, который бы его покрывал, мог и не найти. Лифшицу тоже деваться особенно было некуда, и он в газете остался, но Кочуровскому долго колол глаза, а услышав по радио песню на мои слова «14 минут до старта», сказал:

– Видишь, пьяная рожа, кого ты выгнал!

Перспектива быть битым

Летом я закончил повесть с таким ощущением, будто она сама собой написалась. От первоначального замысла практически ничего не осталось. Получилась повесть не о студентах на целине, а о крестьянах, которые на этих вовсе не целинных землях жили испокон веку. Единственный студент остался в повести как рудиментарное воспоминание о начальном замысле.

Я назвал повесть «Мы здесь живем» и отнес ее в «Юность». Заведующей прозой Мэри Лазаревне Озеровой повесть понравилась.

– Будем двигать дальше, – сказала она. – Дадим читать членам редакции, недели две-три на это уйдет. Так что звоните.

Три недели я вытерпел с трудом. – Еще читают, – ответила Мэри Лазаревна по телефону. И попросила еще две недели срока.

Я звонил. Через две недели, еще через две и еще через две... три... четыре. Разговор был всегда один и тот же, короткий:

– Мэри Лазаревна, здравствуйте.

Ответ, не дожидаясь вопроса:

– Еще читают.

Кто именно читает, кто уже прочел, я у нее не спрашивал, это считалось как бы редакционной тайной.

Тем временем я познакомился с пожилым литератором Арнольдом Борисовичем Одинцовым. Он приехал в Москву из Душанбе и работал в журнале «Дружба народов». Я ему показал повесть и спросил, как он думает, удастся ли мне ее напечатать.

– Повесть хорошая, вы ее, конечно, напечатаете, – сказал Одинцов. – Но потом вас за нее будут сильно бить.

Я удивился. Повесть хорошая, но будут сильно бить. Почему?

– Потому что все, что вы пишете, слишком похоже на реальную жизнь.

Это мне польстило, а то, что будут бить, не пугало. Я, конечно, помнил, как поносили в газетах в 46-м году Зощенко и Ахматову (нам в ремесленном училище объясняли, какие они плохие). Десять лет спустя так же клеймили Дудинцева за «Не хлебом единым», а потом Пастернака за «Доктора Живаго», но их судьба не казалась мне ужасной. Больше того: поношение их я воспринимал как особое признание заслуг, поэтому и предупреждение Одинцова принял как лестное. А он, меня предупредив, предложил, тем не менее, попробовать напечатать повесть в «Дружбе народов». Я охотно согласился, несмотря на то, что, как мне говорили, было неэтично отдавать рукопись сразу в два журнала. Такая этика позволяла редакции сколько угодно тянуть со своим решением и, в конце концов, отказывать автору, а его лишала всяких прав на альтернативу. Так вот я этой лжеэтикой пренебрег и, не забрав рукопись из «Юности», отдал другой экземпляр в «Дружбу народов». И опять же стал ждать.

Приблизительно в то же время я познакомился со странным толстяком Костей Семеновым, человеком незаурядной судьбы. Война застала его на Черноморском флоте, где он служил матросом. При отступлении Костя попал в плен и оказался в Дахау. Немцы много раз допрашивали его с пристрастием. Он все их подозрения отрицал, свидетелей против него не оказалось, а сами немцы ничего доказать не смогли. Какого-то человека, побывавшего в лапах и гестапо, и НКВД, спросили, чем отличались одни от других. Он сказал, что и те и другие были звери, но немцы пытали свои жертвы, чтобы узнать правду, а наши добивались ложных показаний. От Кости фашисты не добились правды, состоявшей в том, что Костина мать была еврейкой.

В лагере Костя приобрел привычки, которые остались с ним на всю жизнь. Одна из них состояла в том, что он всегда впрок запасался хлебом, а другая – в экономии всего, включая табак. Он вставлял в сигарету спичку и с ее помощью докуривал сигарету до последнего миллиметра.

Он был, что называется, литературный жучок, готовый писать для кого угодно, что угодно и как угодно в меру своих скромных способностей. Отношения с женщинами у него были странные, как, впрочем, странными были сами женщины. Некая Лора, капитан милиции, плакала в ресторане и говорила: «Ребята, вы даже не знаете, какая я плохая». Костя гладил ее по плечу, утешая: «Знаем, знаем». Он был законченный циник, ни в какие благородные чувства не верил и сам никого, похоже, не любил, кроме матери, любовь к которой у него была просто безумной. Он вообще был из тех, кто из преданности матери до последних ее дней ни на ком не женится, когда она не может сама себя обслуживать, кормит ее из ложечки и купает, и только после ее смерти начинает устраивать свою семейную жизнь. Таким преданным сыном был Виктор Некрасов. И Костя тоже. Когда мать умерла, он все-таки женился на дочке посла в Германии, который устроил Костю на приличную должность в только что образованное агентство АПН.

Я пишу так подробно о Косте потому, что через некоторое время он весьма необычным образом отличит-

ся: после развода с собственной половиной сойдется с брошенной женой очень знаменитого человека и вместе с ней напишет книгу, которая получит большую известность.

Рассказ об этом я отложу на потом, а пока...

Молодой, талантливый, без претензий

А пока вот что. Мы с Костей ехали, не помню, куда, и в одном из переходов метро встретился нам Ян Полищук, известный писатель-юморист. Он был заместителем главного редактора редакции сатиры и юмора всесоюзного радио, выпускавшей в эфир популярные программы «Веселый спутник» и «С добрым утром!».

– Слушайте, ребята, – сказал Полищук, – мне срочно нужен младший редактор. Нет ли у вас хорошего молодого талантливого человека без больших претензий, согласного на маленькую зарплату?

– А вот, – немедленно отреагировал Костя, показывая на меня, – вот хороший молодой талантливый человек без претензий, согласен на любую зарплату.

– Да? – не поверил своему счастью Полищук и посмотрел на меня с недоверием. – Ты пошел бы работать младшим редактором?

Боясь не упустить возможность, но в то же время не уронить себя в его глазах, я сказал лениво, что, в общем, мог бы поработать.

– Хорошо, – сказал Полищук, – но зарплата, к сожалению, только тысяча рублей. Потом, может быть, прибавим. А пока, извини, только тысяча...

Тысяча рублей, и он еще извиняется! Каждый месяц тысяча рублей! Он даже не представлял, какой баснословной казалась мне тогда эта сумма.

На следующий день я был представлен начальнику главка политвещания (была такая должность) Николаю Трофимовичу Сизову, впоследствии ставшему директором киностудии «Мосфильм» – и тот принял меня на работу. Разумеется, с месячным испытательным сроком.

Продолжение следует